

Театр открыт. Театр работает

ПОМНЮ с детства: театр — это праздник.

Нарядная толпа людей в фойе, все в приподнятом настроении, точно в преддверии чуда. В ожидании прекрасного.

И каждый раз чудо происходит! Растроганный зритель долго аплодирует артистам.

Но только ли ни?

...До открытия сезона в Пермском академическом театре оперы и балета еще несколько дней. Для зрителя он еще закрыт. Но закулисная жизнь давно началась. Собственно, она и не прекращалась.

Шел ремонт. Белили потолок, красили стены, чистили кресла, приводили в порядок люстры. А еще проводился ремонт костюмов, шитье обуви, роспись декораций. Это уж делала свои театральные мастера.

В оперном театре несколько вспомогательных цехов, где рождается «окружение» спектакля.

Художники, как им и положено, живут на самом верху. В большой комнате свободны лишь углы — в центре пишутся декорации к будущему спектаклю, которого еще нет в афише.

В маленькой комнате — на стене акварели и графические работы Миши Шилова: лесное озеро, домики на бугре, заросшая поляна. Кажется, они только что из-под дождя — очень чистые, ясные. А сам Миша — там, в соседней, большой. Он учится у «асов» — Петра Семеновича Захарова, Любови Афанасьевны Кузнецовой, которые отдали театру десятки лет жизни и выпустили «в свет» огромное количество спектаклей. Перед Мишей на полу — стена из гостиной дворянского дома...

Но если у художников работа над будущим, у портных «на носу» завтрашние спектакли. Первым из балетов пойдет «Лебединое». Надо почистить «перышки» лебедям.

Пачка стирается в разобранном виде, затем тюль (а его на каждую идет в среднем по 7 метров) надо накрахмалить и... сшить заново.

— Театральный костюм шьется не вообще, а на определенного человека, — рассказывает старейший театральный портной Яков Елькович Мордский. — Артист ходит к нам на примерку по несколько раз. Надо знать не только

его фигуру, но и образ, который он создаст на сцене. Приходится учитывать буквально все: много ли он будет двигаться на сцене, в каких условиях будет «жить». Отсюда и материал, а иногда и покрой...

Сейчас все «брошены» на пачки. Их требуется почти соток.

...Этажом ниже шьются пунты — туфельки для балерины.

— Сколько пар надо на месяц?

— На месяц?.. — рассмеялась мастерица. — Ведущие балерины берут на один спектакль «Лебединое озеро» сразу по две пары! А вы говорите...

Еще ниже на этаж — владения Геннадия Ивановича Мохова и его магов. Это они смеют день на вечер, топят облака, зажигают костры.

— Показать нечего — все в ремонте, — разводит руками начальник осветительного цеха.

А у самого за спиной — диковинный стенд с лампочками разных конструкций и назначений. Глядя на эту «технику», невольно возникает вопрос: сколько единиц потребуется для полного света на сцене?

— Шестьсот-семьсот ламп, — не задумываясь отвечает Мохов. И добавляет: — Разной, конечно, мощности: от пятисот до трех тысяч ватт.

Еще одна встреча в «закрытом» театре — с главным режиссером Иосифом Исааковичем Келлером.

— Новый сезон — это непременно новые спектакли. Мы уже работаем над одним из них — готовим к постановке «Евгения Онегина» Чайковского. Хочется сделать этот спектакль по-новому, без излишней бытовизации. Чайковский не случайно дал Онегину подзаголовок «Лирические сцены». Именно внутреннее, лирическое содержание оперы Чайковского мы и хотим раскрыть. Премьера состоится где-то в ноябре.

Уже уходя из театра, мы вдруг услышали... голос. Грудной, сильный, он был неожиданно в пустоте. И мы пошли на него, как на зов.

В неприбранной еще театральной уборной встретились с Эльвирой Шубиной.

— Приехала на неделю раньше всех, — говорит Эльвира. — Пою Ярославну в «Князе Игоре». Сами понимаете, первый спектакль сезона. Открытие. Надо, чтобы голос звучал в полную силу, вот и занимаюсь...

Ярославна — одна из любимых партий Шубиной. Может, потому, что была первой, дипломной?

Мы шли по тихим коридорам, а вслед нам... плакала Ярославна.

Театр жил.

Т. МИЛОВА.

На снимках: в мастерской художников; костюмеры чистят «перышки» лебедям.

Фото А. Кондрашева.

